

Томми Кэндл, насквозь промокший, усталый и злой, топал по лестнице. Его руки и ноги гудели, а спина так болела, что казалось, будто по ней прошла толпа троллей.

В доме было тихо. Время уже перевалило за полночь, ужин давно закончился, и все разошлись по своим комнатам. Не спал в Крик-Холле, казалось, один лишь Томми. Мало того что чувствовал он себя сейчас развалиной из-за всех этих тыкв, так у него еще и невероятно ныла скула, на которой алел след от дядюшкиной пощечины.

«Чертовы тыквы! — думал мальчик. — И чертов дядюшка! Это все его месть за то, что я ему угрожал, не иначе...»

И то правда: чем еще, если не мезтью, назвать то, что дядюшка отправил его в одиночку таскать из грузовичка мистера Тампина тыквы, которые старый фермер привез к празднику?

Отправляя его в сад, дядюшка сказал:

— В прошлый раз нам с Виктором и Кристиной пришлось отдуваться самим, пока ваше высочество где-то разгуливало, а значит, сейчас пришла твоя очередь нести тыквенную

вахту. Справедливость восторжествовала! Я вижу, ты несказанно этому рад!

Томми ответил ему гневным сопением. То, что он пропустил прошлый раз, еще ведь не повод заставлять его таскать эти тыквы в гараж под дождем — в самую грозу!

Особенно злило лживое заверение дядюшки, которое последовало затем:

— Я бы тебе, конечно, помог, но, понимаешь ли, уже успел переодеться в свой вечерний костюм, а его так просто не снимешь...

Более нелепую отговорку придумать было сложно — само собой, у дядюшки и в мыслях не было ему помогать, и Томми ничего не оставалось, кроме как, проклиная свою нелегкую судьбу, натянуть садовые рукавицы и взяться за дело.

Дело было трудным, мокрым и скользким. Не прошло и пяти минут под проливным дождем, как мальчик искренне возненавидел все, что связано с тыквами. И пусть старик-фермер утверждал, будто этих «пухленьких рыжих красоток» было столько же, сколько и в первой партии, а именно шесть десятков, Томми мог бы поклясться, что их в кузове грузовичка на самом деле бесконечное количество и стоит ему взять хотя бы одну тыкву и отвернуться, на ее месте тут же вырастает новая. И тем не менее в какой-то момент кузов наконец опустел, все тыквы оказались в гараже, а фермер, пригрозив, что завтра привезет еще одну партию, завел двигатель своей ржавой машины и уехал.

«Скорее вороны разучатся каркать, чем я притронусь хотя бы к еще одной тыкве!» — пообещал себе мальчик и поплелся в дом...

Хлюпая по полу мокрыми носками, Томми уже шагал к своей спальне, когда вдруг услышал возмущенный голос, доносящийся из комнаты в дальнем конце коридора. Комната эта принадлежала дядюшке Джозефу и тетюшке

Мегане, и сейчас там явно творилось что-то подозрительное.

«Чего он так вопит?» — подумал мальчик и, ступая на цыпочках, двинулся к приоткрытой двери, из-за которой в коридор вытекала узкая дорожка дрожащего света. В тот миг Томми и не предполагал, что вот-вот станет свидетелем некой сцены, которая послужит подтверждением того, что Джозеф Кэндл сказал ему правду.

Подойдя к двери, Томми украдкой заглянул в щелочку и увидел, что дядюшка — вот ведь странное дело! — нелепо вытанцовывает у зеркала. Он исступленно рвал воротник рубашки, манжеты сюртука и пуговицы на жилетке, изо всех сил пытаясь снять костюм, но все его попытки были тщетны — даже кремовая роза в петлице сидела прочно, будтовшитая. При этом одежда явно причиняла дядюшке не только неудобства, но и настоящую боль. Он скалил зубы и стонал, пот ручьями тек по его багровым щекам.

Жуткие спазмы, в которых искажалось лицо дядюшки, очень испугали Томми, в то время как тетушка Мегана, которая также присутствовала в комнате, будто бы их и вовсе не замечала. Она сидела на своей половине кровати и, укрыв ноги одеялом, читала какую-то книжку. В полукруглых стеклышках ее очков для чтения прыгали и плясали отражения двух корчащихся Джозефов Кэндлов.

— Ты так и будешь продолжать суетиться? — равнодушно спросила Мегана, переворачивая страницу.

— Ты что, не видишь, глупая курица?! — по-звериному зарычал дядюшка в ответ. Казалось, он вот-вот вывернется наизнанку. — Мне же больно! Чертов костюм!

— Не нужно было проклинать мальчишку, — назидательно заметила тетушка Мегана, не поднимая глаз от книги. — Сам виноват.

Услышав, что речь идет о нем, Томми дернулся и едва не выдал себя, задев плечом дверь, которая тут же подло

скрипнула на петлях. Но дядюшка был слишком занят собственными мучениями, а тетушка — язвительностью, и этого никто не заметил.

— Легко тебе рассуждать! Тебе ведь жилетка не сдавливает ребра, как тиски! — Дядюшка Джозеф снова попытался растегнуть пуговицы, но пальцы то и дело с них соскальзывали. — Сидишь там со своей треклятой книжкой, поучаешь меня — и это вместо того, чтобы помочь!

— О, я не стала бы тебе помогать, даже если бы могла, — лишенным какого бы то ни было сочувствия голосом сказала Мегана. — Ты всего лишь платишь за собственную глупость...

— Мальчишке нужно было преподать урок! — взвизгнул Джозеф Кэндл, и галстук тут же с силой стянул его горло — всего на мгновение, но этого хватило, чтобы пленник собственного костюма едва не рухнул в обморок. — Эх-кхе... Ну почему... Почему?!

— Потому что ты не удосужился просчитать последствия...

— Тебя не спросили!

— А я думала, ты спрашиваешь именно меня.

— Значит, ты ошиблась! — злобно выпучив глаза, прошипел Джозеф Кэндл. — Как и в тех случаях, когда считала себя хорошей женой или хорошей матерью.

— Ну-ну, — с улыбкой прокомментировала тетушка Мегана. — Не нужно быть таким милым, Джозеф, тебе это не к лицу. А вот багрянец — весьма. Желаю тебе покорчиться как следует.

— Ну же, прошу тебя, дорогая... — взмолился дядюшка, решив, видимо, сменить тактику и использовать свое джентльменское очарование. Впрочем, с тем выражением лица, которое у него сейчас было, он мог очаровать разве что чугунную ванну. — Ты ведь знаешь, как мне больно... Костюм уже стал на два размера меньше, он невероятно жжется. Если я сейчас же не сниму эти проклятые туфли, они съедят мои ноги!

— Мы не проклинали членов семьи, — безжалостно сказала тетушка Мегана.

— Но я ведь снял проклятие! — в отчаянии воскликнул Джозеф. — Почему она все еще злится?!

— Сходи к Корделии и спроси у нее лично. Она на кухне, возится у котлов...

Дядюшка будто не услышал.

— Сейчас не лучший момент, чтобы меня наказывать, — продолжил он, царапая жилетку ногтями в бессмысленной попытке ее разодрать. — Неужели она хочет, чтобы я опозорил Крик-Холл? Ей же нужна поддержка наших гостей, и вряд ли им понравится...

— Ты ведь знаешь, что утром все пройдет. Будет костюм как костюм.

— Только не снять.

— Да, не снять.

— Ааррх! — прорычал дядюшка и принялся тереть ноги — штаны изнутри будто были вымазаны крапивным раствором.

— Хватит суетиться, Джозеф. Ты мешаешь мне читать...

— За что? Почему? — провыл дядюшка. — Я не заслуживаю такого обращения!

— Ты прав. — Тетушка Мегана даже оторвалась от книги и поглядела на мужа поверх очков. — Корделия поступила с тобой слишком жестоко. Если хочешь, мы можем проклясть ее в ответ. Наколдую ей что-нибудь незначительное — просто какую-то раздражающую мелочь. Например, сделаем так, что всякий раз с боем часов у нее начнет все валиться из рук, или заставим ее спотыкаться на каждой седьмой ступеньке. Она даже не поймет, что...

— Нет. — Дядюшка Джозеф сжал зубы. — Не нужно. Уверен, она это не со зла, а просто...

— Ты даже сейчас ее защищаешь, — проворчала тетушка. — Жаль, она не оценит. Ты ведь понимаешь, что, даже

избавившись от Гарри, ты не получишь то, что хочешь? У тебя нет ни единого шанса...

— Замолчи, замолчи! — рявкнул дядюшка и начал изворачиваться и крутиться на месте с новой силой, пытаясь достать чешущееся место на спине. — Я ведь знаю, что ты получаешь от этого удовольствие...

— Еще бы, — не стала спорить тетушка. — Но также я просто хочу спокойно почитать.

— Ты... злобная, мерзкая мегера... Хорошая жена не стала бы так просто смотреть и...

— Не нужно продолжать, Джозеф. — Мегана опустила книгу на колени и устало поглядела на мужа. — Зачем этот спектакль? Мы ведь оба знаем, кто из нас кто, верно? Но все же... — ее взгляд вдруг стал заботливым и немного потеплел, — позволь мне один раз побыть «хорошей женой» и сказать тебе кое-что приятное.

— Что? — с робкой надеждой в голосе спросил дядюшка.

— Выглядишь ты в этом костюме по-настоящему шикарно.

Ответом ей стал яростный звериный рык, вырвавшийся из сведенного судорогой горла.

Томми вспомнил, что грань между подглядыванием и попаданием на горячем очень тонка и что главное — вовремя улизнуть. Решив, что услышал и увидел достаточно, он развернулся и зашагал в свою комнату. Дядюшка продолжал шумно страдать и не менее шумно негодовать.

«Так ему и надо. Будет знать, как меня проклинать, — со злорадством подумал Томми. — Значит, маме все же не все равно. Значит, она меня любит...»

Он вошел в комнату и поспешно переоделся из мокрого в свою любимую пижаму. Уже забравшись в постель, Томми вдруг вспомнил кое-что, о чем говорила тетушка: «Что значит “даже избавившись от Гарри”? Неужели дядюшка и папу тоже проклял?! Или он только собирается?»

Что у него на уме? Что он задумал? Ясно же, что ничего хорошего...»

С этими мрачными подозрениями Томми и заснул. А на следующее утро проснулся уже с четко сформировавшейся мыслью: «Нужно предупредить папу!»

Все утро Томми пытался его отыскать, но безуспешно — папы не было даже в кабинете. Мама сказала, что он уехал на вокзал встречать очередного гостя, но мальчик ей не поверил: «Драндулет» стоял в гараже...

Томми вернулся в свою комнату и сел на кровать. Он попытался вспомнить, когда видел папу в последний раз — кажется, это было утром за два дня до начала каникул. В голове сновали очень нехорошие мысли: «Может, дядюшка Джозеф и в самом деле проклял папу, и бедный папа сейчас где-то лежит и мучается, как мучился и я?»

Хуже всего было то, что об этом даже никому не расскажешь! Мама и тетушки сразу отпадают. Виктор? Нет, он ведет себя подозрительно, и не стоит забывать о том, что он носит зеленое. Кристина?.. Да, они с ней все время спорят и ругаются, но, может, хотя бы раз она выслушает его и не ограничится своими насмешками, как обычно?..

Кристина папу обожала — она попросту не могла принимать участие в сговоре, если сговор, конечно, имел место. И все же в последнее время поведение сестры тоже вызывало подозрения.

Томми всегда был наблюдательным, даже слишком, поэтому от его внимания не могло укрыться то, что Кристина постоянно куда-то ездит с Виктором на «Драндулете», а еще то, что они никогда не общаются при других членах семейства и тут же обрывают разговор, если кто-то появляется рядом. Весь вчерашний вечер хлопали двери их комнат, будто в доме развелось слишком много сквозняков. А потом произошел тот несчастный случай... Дядюшка Джозеф пролил на лестнице свой сироп от кашля, и Виктор с Кристиной

поскользнулись на нем. Их отнесли в их комнаты, вызвали доктора Лоувелла, а мама, когда Томми сунулся к ней с вопросами, произнесла лишь: «Сколько раз я твердила: не бегать по лестнице! Будет им урок».

Что-то подсказывало Томми, что это очередная неправда и Виктор с Кристиной не просто «упали на лестнице». Его не покидало ощущение, что старшие брат и сестра на самом деле сунули носы куда не следовало и поплатились — дядюшка очень ценил свой сироп от кашля и пролить его случайно не мог. Разве что он сделал это намеренно...

Томми жалел, что загодя не вызнал тайны Виктора и Кристины, но он успокаивал себя тем, что в последние дни у него было множество собственных забот, начиная с проклятия и заканчивая всякими ведьмовскими делами.

К примеру, вчера он полдня потратил, выгадывая момент, чтобы подбросить тетушкам записки, как просила его Клара Кроу. В итоге он справился и даже не попался — все были слишком заняты гостями и приготовлениями к празднику. К слову, Томми все гадал: вышло ли у Клары то, что она задумала? Отыскала ли она ту вещь, которую у нее когда-то украла одна из тетушек? Он искренне переживал за Клару, ведь она была очень хорошей и помогла ему с проклятием. А еще Томми боялся, что затея могла провалиться, ведь тетушки вроде бы вели себя как обычно. Разве что Мегана почему-то плакала, спрятавшись ото всех в каморке для щеток и швабр. Когда он зашел туда в поисках папы (после того как безуспешно обыскал весь дом), она сделала вид, будто ищет какую-то щетку. Разумеется, племянник ей не поверил... К слову, до этого он никогда не видел, чтобы грозная обладательница ледяного сердца Мегана плакала. Было ли все это связано с затеей Клары или...

Размышления Томми прервали голоса, донесшиеся из-за стены. Взрослые голоса в комнате малышки Марго... Черт! Это было плохо...

Где-то за неделю до приезда гостей мама попросила Томми и Кристину проследить, чтобы никто не приближался к малышке. Мол, по дому будут бродить разные личности, у многих из которых весьма скверный характер. «Не дайте кому-то обидеть девочку...» — сказала она.

Томми считал, что эти гости и так слишком много себе позволяют. Расхаживают, где им вздумается, превратили гостиную в свое логово, постоянно курят и громко смеются, даже когда никому вокруг не весело. Так они посмели втянуть в свои игры еще и Марго?! Нет уж, он не позволит!

Томми вскочил с кровати и бросился к двери. Распахнул ее...

Дверь напротив открылась в тот же момент. На пороге стояла Кристина.

— Ты тоже слышал? — спросила она негромко.

— Да, — шепотом ответил Томми.

— Что будем делать?

Томми был польщен: она никогда не спрашивала его, что делать. Он ведь «глупая малявка».

— Позовем маму? — предположил Томми и тут же с садой понял, что так могла бы сказать только настоящая «глупая малявка».

— Нет, — категорично ответила Кристина. — Никакой мамы.

— Тогда сами разберемся, — храбро ответил мальчик.

Кристина поглядела на Томми так, будто видела его в первый раз. Кажется, она не ожидала от младшего брата такой решимости.

— Ты уверен?

— Эти глупые гости слишком обнаглели, — заметил Томми.

— Ты прав.

— Идем?

И они направились по коридору.

Томми думал о предупреждении мамы: «“Скверный характер”? Как же! Ей нужно было так и сказать: “Дом набит всякими ведьмами. А многие из них любят запекать детей в пирогах...” Ну, пусть только кто-то попробует облизнуться на Марго!»

Томми с Кристиной остановились у двери комнаты младшей сестры. Переглянулись. Томми сжал кулаки, а Кристина взялась за ручку. В комнате явно происходило что-то страшное...

Кристина распахнула дверь. Страшное действительно происходило... Бедняжку и правда мучили, изверги! Томми и Кристина содрогнулись.

На Марго было желтое «платье для гостей», которое она просто ненавидела. Еще бы: такого количества рюшечек, оборок, лент и кружев не было даже у ее кукол. Девочка понимала, что выглядит в нем как нелепое пирожное на ножках... Но сейчас ее заставили надеть это платье, ведь она «просто обязана сделать приятное тетушкам».

Вокруг круглого столика, накрытого к чаепитию, действительно с удобством расположились три двоюродные тетки: Эдна, Уиллаби и Макриди. Никто не собирался пожирать малышку Марго, но ни Томми, ни Кристина не спешили вздохнуть с облегчением. Компания тетушек могла свести в могилу даже самого жизнерадостного и энергичного человека. Каждая из этих старух была жутко скучной и сама по себе, но когда они собирались вместе, их общее занудство становилось просто невыносимым.

Брат и сестра зашли в комнату. Тетушка Макриди как раз рассказывала о своих семнадцати котках и кошках.

На лице маленькой Марго было написано неприкрытое отчаяние, а во взгляде застыла тоска. Подобную безысходность можно прочесть только в глазах обреченного, которого уже почти засосала трясина.

Ее не могли развеселить даже фарфоровые куклы, принимавшие участие в чаепитии. И это притом, что за столом сидели не обычные куклы! Словно живые маленькие люди, они шевелили ручками и головами, ловко управляясь со столовыми приборами и отправляя в жутко отпадающие рты большие куски пирожного и заливая туда чай. Куклы вели себя церемонно и важничали. Вряд ли они знали, что чашки, из которых они пьют, сделаны из того же материала, что и их головы.

— Ведьмовство, — прошептал мальчик. Теперь он знал, как подобное называется.

В тот же миг одновременно три алчущих взора направились на Томми и Кристину.

— О! Милые мои! — воскликнула тетушка Эдна. — Как мы рады вас видеть!

— Вы не составите нам компанию? — добавила тетушка Уиллаби. — Мы с вами так редко общаемся...

— И это очень досадно! — завершила тетушка Макриди. — Берите стульчики и присоединяйтесь...

В глазах Марго зажглась надежда, что брат с сестрой спасут ее.

Томми, само собой, был рад тому, что никто не хотел причинить вреда сестре, ведь тетушки всегда присматривали за младшими Кэндлами, когда мама была слишком занята, а в доме толпился народ, но он понял: если они с Кристиной сейчас же поскорее отсюда не уберутся, ни его самого, ни Кристину уже не спасти. И кто знает, будет безнадежно потрачен всего лишь один час или придется провести вместе с тетушками весь праздник? Все зависело от степени их «соскучиваемости» по милым племянникам...

Это определенно была ловушка. В глазах тетушек застыл голодный блеск — они явно планировали затащить в омут своего чаепития как можно больше неосторожных путников.

И у них получилось... Кристина, словно лунатик, шагнула к столику.

— Конечно, — сказала она чужим почтительным голо- сом. — С радостью...

— О, дорогая, — обратилась тетушка Эдна к Марго, — приготовь еще один прибор.

— Но не два ли? — уточнила тетушка Уиллаби. — Неуже- ли молодой человек не составит нам компанию?

— О, разумеется, составит, — ответила за Томми тетушка Макриди. — Милая, два прибора, прошу тебя.

Тетушки начали суетиться. Сейчас они напомнили маль- чичку трех мельгешащих голодных ворон, завидевших труп собаки. Двоюродные тетушки действительно слегка походи- ли на птиц, даже их острые носы можно было принять за клю- вы, а что уж говорить о высоких старомодных прическах, в которые они вплели черные перья.

Кристина уже отодвигала для себя стул...

Нужно было действовать! Решительно и быстро. Обычно занудные взрослые рассчитывают на то, что никто не сможет просто развернуться и уйти, поскольку это очень грубо и непочтительно. Но Томми был мальчишкой, поэтому мог по- зволить себе грубость и непочтительность. Он сказал:

— Нет, нам нужно идти. Много дел, — и, схватив Кристи- ну за руку, силой потащил ее из комнаты.

Стоило двери за ними захлопнуться, как сестра сразу же пришла в себя. Она с ужасом осознала, что едва не осталась на самое затянутое и беспросветно унылое чаепитие в своей жизни.

— Тебя что, заколдовали? — хмуро спросил Томми.

— Наверное... Какой ужас... Я едва не села пить с ними чай.

— Да, — поддержал сестру Томми — он ее прекрасно по- нимал, ведь до недавнего времени сам был вынужден при- сутствовать на подобных тянущихся бесконечно чаепитиях.

— Спасибо. Ты меня спас.

— Не за что, — смущенно ответил Томми. — У меня ведь есть сердце...

— Как это по-взрослому прозвучало, — усмехнулась Кристина.

— Заткнись. — Томми смутился еще сильнее. — Так мама говорит: ну, про то, что у нее есть сердце...

Они направились по коридору к своим комнатам. На лице Кристины, словно она была зеркальным отражением самого Томми, алела красная отметина. Мальчик только сейчас решился спросить:

— Это из-за лестницы?

Он указал на след от удара.

— Лестницы? — удивилась Кристина и стыдливо прикоснулась к ссадине.

— Ну, вы ведь поскользнулись с Виктором вчера вечером и упали на лестнице, — пояснил Томми.

— А, вот, значит, что она сказала? — мрачно пробормотала Кристина. — Ну да, лестница... но это не из-за лестницы.

Томми все понял.

— Кто тебя ударил? — напрямую спросил он.

— Не скажу. — Кристина надулась, будто это был сам Томми. — А тебя кто?

Она ткнула в его скулу, указывая на дядюшкин «подарочек».

— Не скажу. — Брат решил ответить взаимностью.

— Ну и ладно.

— Ну и ладно.

Кристина покосилась на Томми.

— Хорошо, — произнесла она, поддавшись любопытству. — Давай скажем одновременно.

Брат кивнул, и они остановились.

— Раз, два, три... Дядюшка Джозеф.

— Гоблинский король.

— Что? — поразился Томми.

— Что? — поразилась Кристина.

— Неважно.

Мальчик с досадой поглядел на сестру, подумав, что она решила над ним подшутить. Впрочем, Томми не обиделся — на самом деле его волновало кое-что другое. Он попробовал забросить удочку:

— Слушай, завтра ведь Канун, — сказал он с деланным безразличием в голосе. — Когда мы поедем с папой в «Сову в фонаре» и за подарками?

— Мы не поедем, — ответила Кристина с такой уверенностью, которая не оставляла сомнений: дело в папе и сестра что-то знает.

— Что? — Томми опустил голову: нехорошие предчувствия и догадки окрепли. — Почему?

— Папа болеет.

— Черт! — Томми не сдержался и выдал себя с головой. Но ему было все равно — какая уж тут конспирация. — Я так и думал!

— Правда? — подозрительно спросила Кристина. — С чего бы?

— Чертов дядюшка Джозеф... — со злостью сказал Томми. — Это он во всем виноват.

— Почему? — осторожно поинтересовалась сестра. — Почему ты так в этом уверен?

— Потому что он... — Томми покраснел. — В общем, он очень плохой...

Кристина хмыкнула.

— Рада, что ты наконец понял, хотя всем это и так было... Постой... — Она вдруг застыла, будто прислушиваясь к чему-то. — Что это за шум?

Мальчик тоже услышал странные скрипы и треск. Раздавались они будто бы из его комнаты.

Томми с Кристиной заглянули туда. В комнате никого не оказалось.

— За окном! — догадалась Кристина.

— Только не тыквы! — взмолился Томми. — Не хочу их больше таскать!

Подойдя к окну, они распахнули створки, и ветер тут же проник в комнату. Томми и Кристина выглянули наружу.

— Вот ведь неугомонный! — проворчала сестра. — Сразу видно, что ему уже лучше!

По плющу неловко спускался Виктор. Он выбрался из окна своей комнаты и полз вниз, цепляясь за спутанные лозы. Пальто и штаны уже были все измазаны, руки его время от времени срывались, но упорства — или, быть может, упрямства — брату было не занимать.

— Почему он не выйдет через двери? — удивился Томми.

— Он наказан. Мама запретила ему покидать дом.

— Что он такого сделал?

Кристина помрачнела.

— Мне нужно идти, — сказала она и, словно подхваченная порывом ветра из окна, стремительно покинула комнату Томми.

— А что, когда я стану взрослым, мама по-прежнему будет меня наказывать? — сам себя спросил мальчик.

Закрыв окно, он зевнул и сел на кровать, а после, даже не думая спать, прилег. Глаза закрылись — все же полубессонная тыквенная ночь дала о себе знать.

«Дневной сон — для малявок», — подумал Томми и тут же заснул...

Мистер Эвер Ив любил крайности. Но некоторых крайностей, в силу своей противоречивой природы, он все же опасался. Подумать только, он едва не лишился дома! Что это было?! Пожар? Потоп? Воры? Вредители? В общем, его вышвырнули за дверь в одной ночной рубашке в обнимку со своим бараклом. Как грубо! Как... неожиданно!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

